

Глава VI. Концы и начала

“ Дело идет не о том, чтобы уменьшать свободу, необходимо, напротив, все время ее увеличивать, т. к. чем больше свободы у всех людей, составляющих общество, тем больше это общество приобретает человеческую сущность.

М. А. Бакунин

Выехав в октябре 1863 года из Стокгольма и, недолго пробыв в Лондоне, Бакунин с женой через Брюссель, Париж, Женеву направились в Италию. Путешествие было довольно длительным, так как они останавливались во многих городах, встречались со старыми друзьями.

Париж поразил Антонину Ксаверьевну. Она хотела посмотреть и музеи, и соборы, и театры, и зоологический сад. Все приводило ее в восхищение. «Не смейся, пожалуйста, над моей пустой жизнью, — писала она с дороги Н. С. Бакуниной, — ведь это только на первую пору, и мне, как сибирячке, ничего не знавшей и не видевшей, более другой простительно».[272]

Из Парижа Бакунины поехали в Лозанну, где произошла любопытная встреча с Н. Н. Муравьевым-Амурским. «Мы проговорили целую ночь, — писал Бакунин, — мне было невыразимо грустно слушать этого человека, на которого я когда-то надеялся. Да, он тогда клонился к федерализму, теперь он централизатор, поэтому поклонник Муравьева Вешателя и Каткова. В такие минуты, при очень щекотливых объяснениях, ему было совестно смотреть мне прямо в глаза. Мы расстались не то чтобы грубо, но с окончательным выражением разрыва».[273]

Задержавшись еще в Швейцарии для встречи с семьей Фохтов, Бакунины, наконец, в первых числах января 1864 года добрались до Генуи. Здесь так же, как затем в Турине, Бакунин неудачно пытался наладить транспорт «Колокола» через итальянских купцов, ведущих постоянные торговые дела с Константинополем и Одессой. Подобный путь из другого итальянского города, Ливорно, уже был проложен до него Л. И. Мечниковым, но затруднение было в том, что в Одессе не находились надежные адреса. Советуя в связи с этим Герцену и Огареву потребовать от «Земли и Воли» верного человека в Одессе, Бакунин тут же выражал сомнение в существовании самой организации. Еще недавно он, безусловно, был уверен в силах и возможностях этой партии, но теперь после стольких неудачных попыток связаться с ней настроен был весьма скептически. «Еще раз спрашиваю, Огарев, продолжаешь ли ты верить в действительность „З. и В.“, которой, если она существует, право, пора выскорлупиться. Получил ли ты, наконец, какие-нибудь новые доказательства существования и действительности общества? Если оно действует, что оно делает и к какой ближайшей цели стремится? Какая теперь у него и у вас практическая

программа?»[274]

Вопросы эти так и остались без ответа. Надежды на восстание в России несколько поостыли. Но вера в польское дело не прошла. Именно польским интересам хотел служить Бакунин в Италии. Уезжал он из Швеции не потому, что считал дело поляков проигранным, а лишь потому, что, находясь там, не мог быть более полезным польскому, русскому и вообще славянскому делу.

В Италию Бакунин стал стремиться вскоре после первого приезда в Лондон. Еще летом 1862 года он сообщал Н. С. Бакуниной, что отправится туда, лишь только к нему приедет жена, для того чтобы «связывать итальянцев со славянами». План соединения этих народов в борьбе за свободу излагал он и в письме Гарибальди, с которым столь неудачно был отправлен Ничипоренко.

Теперь, приехав в Италию сам и собираясь практически работать над соединением двух движений, он верил в то, что польское дело должно воскреснуть, но под другим — крестьянским знаменем. 12 апреля 1864 года уже из Флоренции он писал С. Тхоржевскому:[275] «Первый и, без сомнения, самый горестный акт польской революционной трагедии, кажется, пришел к окончанию. Но... польская революция не только что не окончилась, но, по моему глубокому убеждению, только что начинается. Кончился только кровавый пролог под названием „героическое падение польской шляхетской демократии“. Началось польское хлопское дело, которого русское правительство никогда не будет в состоянии ни умиротворить, ни удовлетворить».[276]

Об этом же писал Бакунин Герцену и Огареву, Демонтовичу и графине Е. В. Салиас. Реальных оснований для подобных надежд у него не было никаких, но уверенность Бакунина базировалась не на реальных фактах, а на убеждении в ближайшей неизбежности именно народной революции. Движение, направленное к социальной народной революции, увидел Бакунин и в Италии. Приспособление действительности к своей теории, своей вере вообще было свойственно ему. Сложной же итальянской действительности начала 60-х годов он не знал.

Каково же было положение в этой стране? Долгая борьба за объединение Италии привела в 1861 году к созданию государства. Но это была не демократическая республика, за которую так упорно и самоотверженно боролись, хотя и разными способами, Мадзини и Гарибальди. Буржуазная монархия во главе с королем Виктором-Эммануилом — таков был итог этой длительной борьбы. Да и не вся еще Италия была объединена в этом государстве. Лациум и Рим принадлежали папе, Австрия удерживала свое господство над Венецией.

Тогда Гарибальди снова бросился в бой. С лозунгом «Рим или смерть» он повел свои войска в сражение. Виктор-Эммануил, получивший власть из рук Гарибальди, теперь объявил его мятежником. В бою у горы Аспромонте (1862) Гарибальди был тяжело ранен, а войска его разбиты.

Положение в стране в целом оставалось зыбким, неустойчивым. Борьба за полное национальное освобождение не прекращалась. Она сочеталась со сложным процессом

классовой борьбы. Задачи буржуазной революции не были еще, по существу, решены. Крупное помещичье землевладение на юге страны и в папской области, полуфеодалная испольщина в центральной Италии тормозили развитие капитализма. Разорение мелких предпринимателей и торговцев в городах, мелких земельных собственников в деревне вело к полному обнищанию массы населения, не находившего себе применения в промышленности.

Этот процесс был характерен главным образом для юга, но и на севере страны, где промышленность была сравнительно развита, дело обстояло далеко не благополучно.

Итальянские рабочие были, по существу, полуремесленниками. Наряду с фабриками в стране имела и мануфактура. Часть пролетариата составляли сельскохозяйственные рабочие. Тяжелое материальное положение трудящихся сочеталось с полным политическим бесправием.

Рабочие объединения были запрещены конституцией. Непрестанно вспыхивающие стихийные выступления рабочих и крестьян жестоко подавлялись. Все это вызывало глубокую враждебность к государству, в котором народ видел «только жандарма, сборщика налогов, офицера, забирающего рекрутов».[277]

Сложное экономическое и политическое положение Италии требовало прежде всего завершения задач буржуазной революции, завершения полного объединения страны.

В этих условиях постановка вопроса об объединении итальянского и славянского освободительных движений была чистой утопией, вчерашним днем движения. Однако именно с этой целью отправился Бакунин к Гарибальди в первый же месяц пребывания в Италии.

Гарибальди — этот легендарный герой, который, по словам С. Степняка-Кравчинского, «наполнял громом своего имени два полушария»,[278] был не только человеком высокого героизма, благородства и самоотверженности. В той же мере свойствен ему был и подлинный общечеловеческий гуманизм. Вот как сформулировал он свое кредо в предисловии к изданию своих мемуаров в 1872 году: «Я прожил бурную жизнь, в которой было и хорошее и плохое, как, наверное, у большинства людей. Я всегда стремился к добру — для себя и себе подобных; если же мне случалось совершить нечто дурное, то это было сделано, конечно, не намеренно. Я ненавижу тиранию и ложь и глубоко убежден, что в них источник всех зол и испорченности рода человеческого».[279]

Вынужденный всю жизнь воевать и именно воинской доблестью в борьбе за свободу стяжавший мировую славу, он ненавидел войну. «Правда, — писал он, — я должен был выступать в роли солдата потому, что родился в рабской стране, но я всегда делал это с внутренним отвращением».[280]

После последнего ранения Гарибальди жил, окруженный небольшой группой своих приверженцев, на острове Капрера в низком белом каменном доме. Несмотря на не зажившую еще рану, он много работал в саду, ухаживал за домашними животными.

Быт на Капрере был крайне прост, места для жилья немного, а поток посетителей, редко по делу, чаще просто любознательных туристов, не прекращался ни на день. Из последней категории более всего посетителей было из Англии. Они стремились поглядеть на легендарного героя, увезти сувенир. Для этой цели нередко употреблялся платок Гарибальди, носимый им на шее. Разорванный на части, он мог удовлетворить стремление сразу нескольких восторженных почитательниц.

Отправляясь вместе с женой на Капреру, Бакунин оказался в обществе «одного юного и долговязого англичанина и трех англичанок, из которых две порядочные и красивые, одна урод. Эта пожилая англичанка-урод — очень богатая и экзальтированная дама, по уши влюбленная в Гарибальди и... пьющая... вследствие чего у нее нос очень красен» — так описал Михаил Александрович своих спутниц в письме к Е. Салиас.

Гарибальди встретил гостей дружески и приветливо. Бакунин передал ему письмо из Лондона. «Я вам рекомендую нашего Бакунина, имя которого составляет гордость демократии всего мира», [281] — писал Мадзини.

Три дня провели Бакунины на острове. Михаила Александровича поразила как доброта и глубокая человечность самого Гарибальди, так и чрезвычайная простота и внутренняя красота отношений, царивших среди людей на Капрере. «Собственности здесь не знают: все принадлежит всем. Туалетов также не знают: все ходят в куртках из толстого сукна, с открытыми шеями, с красными рубашками и голыми руками; все черны от солнца, все дружно работают, и все поют, — рассказывал он графине Салиас. — Посреди них Гарибальди, величественный, спокойный, кротко улыбающийся, один вымытый и один белый в этой черной и, пожалуй, несколько неряшливой толпе и с глубокою, хотя и ясною меланхолией во всем выражении, производит невыразимо ясное впечатление».

Рассказывая далее о бесконечной доброте Гарибальди, Бакунин пишет, что она простирается не только на людей, но и на все живое: животных, цветы, деревья. «Он любит своих двух волов, своих коров, своих телят, своих баранов, — писал потом Бакунин, — и все его знают, и лишь только он появится, все тянутся к нему, и каждого он погладит и каждому скажет доброе слово». Что же касается его глубокой, затаенной грусти, то такова, «должно быть, была грусть Христа, когда он сказал: „Жатва зрела, а жателю мало“. Такова грусть нашего созревшего человека, всю жизнь посвятившего освобождению и очеловечению человечества. Так-то, но даже самые великие и самые счастливые люди не достигают своей цели. А все-таки надо стремиться и тянуть мир за собой вперед».[282] Грусть Гарибальди, как видно, была понятна Бакунину, но у него с избытком еще хватало веры в свои идеи, свои силы, в то, что он один из тех, кто может и должен «тянуть мир за собой вперед». Был ли этот путь действительно «вперед»? В какой-то мере — да. Ведь разрушение старого мира — неизбежный этап строительства нового. Негативная же программа его, приобретающая в эту пору конкретные черты, была направлена именно на это. «Пусть друзья мои строят, я жажду только разрушения, потому что убежден, что строить в мертвечине гнилыми материалами — труд потерянный и что только из великого разрушения могут возникнуть новые живые материалы, а с ними и новые организмы... Наш век во всех отношениях переходный, несчастный век, и мы, отвязавшиеся от старого и не примкнувшие к новому, — несчастные люди. Будем же нести свое несчастье с достоинством, жалобы нам не помогут и

будем разрушать, сколько можем».[283] Слова эти, написанные в начале 1864 года, говорят об определенной продуманности, сознательности, направленности. Это не беспочвенный призыв к разрушению, а добровольно взятый на себя тяжелый труд во имя создания новых форм жизни.

В беседах с Гарибальди Бакунин не затрагивал, однако, этих проблем. Его деловые цели здесь были конкретней и проще: наладить союз Гарибальди с поляками, а может, если удастся, и уговорить итальянского вождя принять непосредственное участие в польском восстании. Ведь подобный прецедент уже был.

В начале восстания отряд гарибальдийцев под командованием Франческо Нуло отправился сражаться под польскими знаменами. Разбитые при деревне Кжижовка 5 мая 1863 года, многие гарибальдийцы оказались в плену. Их судили военно-полевым судом. С декабря 1863 года они отбывали каторгу в Забайкалье. Э. Андреоли, А. Венанцио и Л. Кароли вскоре были переведены на Кадаинский рудник, где близко сошлись с Н. Г. Чернышевским и М. Л. Михайловым.[284] Так переплетались пути и судьбы русских, итальянских и польских революционеров.

Сочувствуя всей душой «несчастной и героической Польше», Гарибальди теперь ничего реального уже не мог сделать для нее. Он сообщил Бакунину, что сам собирался поехать в Польшу, «но поляки просили мне передать, что я буду там бесполезен, а мой приезд принесет больше вреда, чем пользы: поэтому я воздержался. Впрочем, я и сам полагаю, что здесь я буду полезнее, чем там. Если мы сделаем что-нибудь в Италии, то это будет выгодно и для Польши, которая ныне, как и всегда, пользуется всем моим сочувствием».[285]

Проведя несколько дней на Капрере, Бакунин вернулся в Геную, а оттуда направился во Флоренцию, где решил пожить некоторое время, чтобы присмотреться к обстановке в Италии.

Сняв небольшую, но вполне приличную квартиру, Бакунины повели здесь весьма деятельный образ жизни. Как у Михаила Александровича, так и у Антонины Ксаверьевны вскоре образовались свои круги знакомых. За исключением тех дней, когда они принимали у себя, ни мужа, ни жену нельзя было застать дома.

Принимали же Бакунины обычно по вторникам. Вот как, по свидетельству их частого гостя Л. Мечникова, выглядели подобные вечера: «Гостиная убрана совершенно по-буржуазному, прилично. Грозный революционер в черном сюртуке, которому он, однако же, умеет придать живописный до неприличия неряшливый вид, мирно играет в дураки со своей Антосей... За фортепьяно седой старичок, необыкновенно добродушного вида, сам себе аккомпанирует и птичьим голосом поет с сильным, как бы немецким выговором... Смелый, вызывающий революционный гимн („Марсельеза“. — Н. П.) звучит в его устах какой-то слащавою, сентиментальной песенкой. Певец, однако же, оказывается, не немец, а швед, один из стокгольмских друзей М. А., к тому же состоящий в каком-то совершенно непонятном мне свойстве или кумовстве с революцией...

Мало-помалу собираются гости...

Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний...

За исключением очень немногих завсегдатаев, на этих вечерах редко удавалось два раза сряду видеть одно и то же лицо».[286]

Видя в своей гостиной незнакомых людей, Бакунин склонен был считать их гостями Антоси. Впрочем, и его самого постоянно окружали люди весьма разные. Больше всего было русских и польских эмигрантов, обращавшихся к нему с самыми различными просьбами. «Были тут дамы, которые осаждали Бакунина своими несчастьями от преследований станового; был тут дилетант-художник, который говорил серьезно, что у него кисть выпадает из рук от политического положения Европы. А однажды, — рассказывает дальше В. И. Модестов, — пришли два эмигранта — оба духовного звания, поляк и русский. Он их поместил вместе и потом с хохотом рассказывал, что один выхлопотал себе паспорт и возвращение, а другой у него украл штаны с паспортом и исчез».[287]

Во Флоренции в эту пору было немало русских. Дружеские отношения поддерживал Бакунин с Л. И. Мечниковым. Публицист, путешественник, ученый, Лев Ильич умел и с оружием в руках отстаивать дело свободы. Двадцати двух лет вступил он в армию Гарибальди; командуя батареей в битве при Вольтурно, был тяжело ранен. Пополнив собой немногочисленные еще ряды русских эмигрантов, Мечников стал деятельным сотрудником «Колокола», помогал транспортировке его в Россию. Впоследствии был близок к Интернационалу, поддерживал дружеские отношения с революционерами.

С Бакуниным он познакомился сначала по письмам, через Герцена, а в 1864 году встретился с ним во Флоренции. «Его львиная наружность, его живой и умный разговор, без рисовки и всякой ходульности, сразу дали, так сказать, плоть и кровь тому несколько отвлеченному сочувствию и той принципиальной преданности, с которыми я заранее относился к нему».[288]

Был среди русских, приезжавших во Флоренцию, и Н. Д. Ножин, совсем молодой человек, учившийся в ту пору в Гейдельберге. По свидетельству современников, «Ножин был фанатик, человек, порвавший ради своих убеждений с семьей, с блестящей карьерой, со своим кругом. Он был одним из тех людей, которые знают „одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть“». Страстью этой была революция. «Он всем своим изнывающим нутром мучительно сознавал, что надо перейти к иным, более справедливым основам общественности и нравственности, — писал друживший с ним тогда Мечников. — Он смутно угадывал некоторые из этих новых основ, но сформулировать их не умел, отчасти по замечательному недостатку красноречия, отчасти же просто потому, что многого еще не успел обдумать и уяснить, даже самому себе».[289] Несмотря на недостаток красноречия, спорщик он был отчаянный. Полемические схватки его с Бакуниным кончались обычно тем, что, назвав его «взбалмошным мальчишкой», Михаил Александрович покидал поле боя. А случалось, что и Ножин убегал «красный как рак, не помня себя», или Курочкин[290] увозил его домой «в нервном припадке».

Встречался Бакунин во Флоренции и с русскими художниками. Н. Н. Ге рассказывает, как, увидев его впервые, Бакунин поразил его словами:

«— А мы уже распределили между нами деньги за вашу картину...

— Жаль только, что денег пет, я еще не получил, да и получу, вероятно, не так скоро», — отвечал смущенный художник.

Встреча эта «не нарушила наших добрых и даже сердечных отношений, — продолжал Ге. — При дальнейшем знакомстве и с окружающими его, а этих последних было много, он производил впечатление большого корабля без мачт, без руля, двигавшегося по ветру, не зная, куда и зачем».[291]

Добрые отношения сложились у Бакунина и со скульптором П. П. Забелло. Молодой тогда художник был красив, энергичен, умен. Он много читал, хорошо знал работы Прудона и Герцена.

«Бакунин говорил мне впоследствии, — писал Мечников, — что он сразу отличил З...о, наметил его для каких-то особых целей и возлагал на него самые блестящие надежды за одну только его энергическую и красивую наружность».

Надежды эти никак не оправдались. Но Бакунин много хлопотал о Забелло, в частности помогая ему найти выход из крайне бедственного материального положения. Не имея заказов, скульптор вынужден был искать средств к существованию на ином поприще. Превосходно зная французский язык, он стал переводить «Записки из Мертвого дома» Достоевского. Чтобы опубликовать перевод, нужны были связи, тогда Бакунин обратился к графине Салиас, прося ее пристроить книгу через знакомых поляков.

Графиня Салиас в период флорентийской жизни Бакунина была его постоянной корреспонденткой. Переписывались они и в последующие годы. Но письма 1864 года — один из немногих источников, по которым можно проследить за его взглядами, в частности на польский вопрос.

Елизавета Васильевна Салиас де Турнемир (урожденная Сухово-Кобылина) была хорошо образованна, умна и, по словам Герцена, «добра и экзальтирована». Взгляды ее, в общем умеренно-либеральные, отличались, однако, большими симпатиями к делу польской свободы. До 1861 года графиня большею частью жила в Москве, занималась литературной деятельностью, имела салон. Но после того как за ней был установлен полицейский надзор, она выехала за границу и теперь жила во Франции. В письмах к ней Бакунин писал как о своих взглядах, так и о своей жизни во Флоренции. «Живем мы тихо. Работаем мало. Я каждую неделю посылаю по два мелких листа в Стокгольм и зарабатываю таким образом 100 франков, а иногда и более в неделю. Антося принялась серьезно учиться. Иногда ходим в театр и редко вечером посещаем знакомых... Одним словом, читаем, учимся, пишем, иногда болтаем и проводим время тихо, невинно, но довольно приятно».[292] Однако, по другим свидетельствам, мы знаем, что уж тихой-то эта жизнь ни в коей мере не была.

Помимо русских и польских знакомых, Бакунина окружало и немало итальянцев. Уже в первые дни жизни в Италии Бакунин сообщал Демонтовичу, что он в восторге как от страны, так и от итальянцев, среди которых у него много друзей.

Гарибальди снабдил Бакунина рекомендательным письмом во Флоренцию к Джузеппе Дольфи. По словам знавшего его А. фон Фрикена, Дольфи мало походил на своих соотечественников и характером своим столько же, сколько фигурой, напоминал другие времена Флоренции и других людей. Это был высокий, плечистый и здоровый мужчина; смотря на него, я невольно вспоминал те громадные камни, из которых в средние века во Флоренции строили дворцы и башни. Однажды Дольфи шел иод руку с Михаилом Бакуниным, который, как известно, не уступал флорентийскому булочнику ни в росте, ни в ширине плеч; оба они занимали почти совершенно одну из узких флорентийских улиц. «Посмотрите, — сказал мне, указывая на них, Alberto Mario, с которым я шел позади, — это движущаяся баррикада, которую мы употребим в дело при первом восстании».[293]

Владелец булочной и макаронной лавки, гроссмейстер местной масонской ложи и крайний республиканец и демократ — все это вполне сочеталось в Дольфи. Жертвуя довольно крупные суммы на революционное предприятие, жил он очень скромно, в двух небольших комнатах над своей лавкой. Узкая, без перил лестница, ведущая в его апартаменты, еле выдерживала мощную фигуру Бакунина, часто навещавшего нового друга. «Для Бакунина, — писал Мечников, — Дольфи приказывал своей белокурой, пластической, полуграмотной жене приносить лучшую бутылку самого старого своего vin Lunto. Для Бакунина он не раз развязывал обсыпанными в муке руками свою туго набитую кошну. Через Дольфи Бакунин скоро был посвящен во все тайны демократического флорентийского кружка и сближен со всеми его наличными корифеями и деятелями».[294]

Масоны заинтересовали Бакунина. Поскольку ставки на определенную социальную базу в Европе он еще не имел и практически ориентировался главным образом на круги интеллигенции, то и эта организация показалась ему подходящей для революционной агитации. С этой целью он сблизился с ними и даже вошел в масонскую ложу, но не с тем, чтобы принять их учение, а чтобы, напротив, распропагандировать их. Он попытался составить «франкмасонский катехизис», доказывающий, что существование бога несовместимо с разумом и свободой человека. «Бог существует — значит, человек раб... Человек свободен — значит, бога нет».

Но попытки внушить масонам мысль о необходимости заменить культ личного бога культом человечества ни к чему не привели. Масоны не приняли проповеди Бакунина. Слухи же о его странном увлечении дошли до Лондона и вызвали недоумение Герцена и Огарева. Несколько позднее, оправдываясь и объясняясь, Бакунин писал им: «Только, друзья, прошу вас, перестаньте же думать, чтобы я когда-либо занимался серьезно франкмасонством. Это, может быть, пожалуй, полезно, как маска или как паспорт, но искать дела в франкмасонерии все равно, пожалуй, хуже, чем искать утешения в вине».[295]

Масоны были далеко не единственной флорентийской аудиторией Бакунина. «Очень скоро, — пишет Мечников, — вокруг него составилась целый штаб из отставных гарибальдийских волонтеров, из адвокатов, мало занятых судебской практикой, из самых разношерстных лиц,

без речей, без дела, часто даже без убеждений, — лиц, заменяющих все: и общественное положение, и дела, и убеждения одними только, не совсем понятными им самим, но очень радикальными вожделениями и стремлениями».[296]

Такой же «разношерстный сброд» собирался и на вечерах у графа Пульского, частым посетителем которого был Бакунин. Гости графа обычно окружали знаменитого русского изгнанника плотным кольцом, а он, по свидетельству одного из участников этих вечеров, Губернатиса, держа перед собой громадную чашку чая, «которая подавалась ему соответственно его пищеварительной способности», в блестящей, поучительной и остроумной форме проповедовал им. Хозяин дома, по мнению Мечникова, не представлял собой ничего интересного, и прикосновенность его «к всесветной революции» была не ясна мемуаристу. Однако «прикосновенность», бесспорно, была. Участник венгерской революции, приговоренный к смертной казни, граф Пульский успел эмигрировать и теперь жил во Флоренции. Как он сам, так и особенно некоторые из его постоянных гостей интересовали Бакунина. Среди последних были преданные сторонники Мадзини граф Альберто Марио, его жена и его друзья. «Я тогда недоумевал, — пишет Мечников, — и недоумеваю теперь, что могло казаться Бакунину хоть призраком дела в этой своеобразной и чуждой нам среде. Учить их агитации и конспирации значило ковшом лить воду в море, так как самый наивный из них мог смело заткнуть за пояс Михаила Александровича со всем его штабом и причтом».

Мечников, наблюдавший лишь внешнюю сторону жизни Бакунина, не понял, что не учить их конспирации хотел Бакунин, а учиться у них. Именно в это время складывалась у него та схема организации тайного общества, на которую определенные влияния оказали мадзинистские организации Италии.

Помимо живого интереса к практической работе мадзинистских организаций, Бакунина привлекала в окружении графа Пульского и другая сторона — именно здесь строились политические прогнозы о возможности нового революционного взрыва в ближайшем будущем. «Пульский и его жена, — писал Бакунин Герцену 4 марта 1864 года, — ...положительно отрицают возможность самостоятельного венгерского восстания в нынешнем году, но прибавляют, что если Италия серьезно встанет, то и Венгрия встанет непременно. Партия движения, по приказанию Лондона и Капреры (Мадзини и Гарибальди. — Н. П.)... несомненно, готовится. Кажется, несомненно, что в конце марта или в начале апреля будет попытка восстания в Венецианской области, что, лишь только она вспыхнет, будет сделана агитация в целой Италии и что Гарибальди позовет итальянцев.

...Электричество все набирается и переполняет атмосферу — без бури не обойдется. Может быть, будет взрыв позже, но мне кажется, что отлив кончился, начинается вновь прилив».[297] В ожидании этого «прилива» как в Италии, так и в Польше, где, по его расчетам, должна была начаться «хлопская» революция, он решил ненадолго съездить в Стокгольм.

24 апреля 1864 года он писал Тхоржевскому: «Скажите Огареву, что я, наконец, получил вести из Стокгольма и из Финляндии, т. е. от Штраубе и Э. Фольксрюе.[298] Вследствие чего и решаюсь ехать туда, где встречу обоих».[299] Извещая 1 августа Демонтовича о выезде в Швецию, Бакунин выражал надежду на его братскую помощь. Казалось бы, что встреча со

своими агентами в интересах польско-русского дела да еще личные обстоятельства — договора с издателями об издании мемуаров и статей, о чем он писал родным, — являются причиной его поездки. Но главным было не это.

Неудачи изолированных национальных движений в последнее время (вторая половина 1863–1864 год) все более приводят его к мысли о необходимости создания международного революционного общества и координации таким образом действий революционеров разных стран. По существу, эта мысль для Бакунина не нова. Вся его деятельность 1848–1849 годов носила интернациональный характер и была направлена на то, чтобы, связав славян с немцами и мадьярами, содействовать общеевропейской революции.

Первое время по приезде в Лондон (до польского восстания) он пытался наладить старые славянские связи и действовать в том же направлении. 12 мая 1862 года он писал: «Мы должны покрыть славянских братьев сетью тайных обществ. А эти тайные общества должны вмещать в себя все живое, развитое, энергическое и все, что чувствует и думает... После должно все эти тайные общества соединить воедино, привести в движение в одно время с движением в Италии, Польше и России».[300]

Польское восстание на время отодвинуло эти планы, а последующее затем пребывание Бакунина в Швеции и Италии расширило его представление о возможных границах революционного союза. Приглядевшись с близкого расстояния к итальянской действительности, Бакунин хотел теперь снова побывать в Стокгольме, чтобы там, на месте, выяснить конкретные возможности участия шведских и финских лидеров в международном революционном союзе.

По-видимому, поездка в главной своей части показалась Бакунину удачной. Нужные связи он установил.

В середине октября на обратном пути заехал он в Лондон. Здесь снова после многолетнего перерыва произошла его встреча с Карлом Марксом.

Если 1864 год ознаменовался для Бакунина работой над идеей создания международного революционного общества, то для Маркса это был год практического создания Международного товарищества рабочих — I Интернационала.

Необходимость создания международной организации была ясна и Марксу и Бакунину. Но состав и задачи подобной организации определялись тем, как оба эти человека понимали задачи и движущие силы грядущей революции.

Социальные представления Бакунина были все еще довольно смутными. Из общей массы угнетенного большинства человечества он не выделял тогда рабочий класс, а следовательно, и не мог понять его роли в революции.

Социализм же Маркса, базировавшийся на научной основе, выдвинул идею гегемонии пролетариата. Боевой политической организацией рабочего класса и призван был стать I Интернационал.

Мировой экономический кризис 1857 года, резко ухудшивший условия жизни угнетенных классов, послужил началом нового подъема рабочего движения. Конец 50-х — начало 60-х годов ознаменовались и оживлением в ряде стран национально-освободительного движения. Борьба за создание национальных государств в Германии и Италии, гражданская война в США, восстание 1863 года в Польше — все эти события волновали передовую часть рабочего класса.

Подъем международного рабочего движения выдвигал задачу сплочения сил мирового пролетариата. 10 ноября 1863 года английские рабочие направили французским рабочим обращение с призывом к международному объединению.

28 сентября 1864 года в Лондоне, в Сент-Мартинс-холле, собрался митинг. На нем присутствовали рабочие Англии, Франции, Германии и Италии. Собравшиеся избрали временный комитет для осуществления всей организационной работы и выработки документов новой организации. К. Маркс вошел в состав этого комитета. Им были написаны Учредительный манифест и Временный устав, которые были приняты как программные документы Интернационала. В Уставе Интернационала говорилось, что «освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом». Далее формулировалось и другое принципиальное положение о том, что экономическое угнетение рабочих является основой политического гнета и что «экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство...».[301]

Определяя принципы и цели организации Международного товарищества, Маркс писал, что оно «основано для того, чтоб служить центром сношений и сотрудничества между рабочими обществами, существующими в различных странах и преследующими одинаковую цель, а именно защиту, развитие и полное освобождение рабочего класса».[302]

Международная организация самого передового класса — пролетариата была создана. На ее основе могло развернуться широкое международное движение рабочих.

Но на пути этого движения стояли не только реакционные режимы всех европейских стран, но и мелкобуржуазные партии и организации, порожденные недостаточной зрелостью пролетариата.

Пропаганда среди этих отсталых слоев пролетариата, разъяснение принципов и задач Интернационала были важнейшей задачей организации. Людей, разделяющих платформу Международного товарищества и способных вести пропагандистскую работу, было не так уж много.

Бакунин, как казалось Марксу по прежнему знакомству с ним, мог подойти для этой цели.

О приезде его в Лондон Маркс узнал случайно. Старый член «Союза коммунистов» портной Ф. Лесснер сказал Марксу, что он шьет костюм для приехавшего ненадолго в Лондон Бакунина. Тогда Маркс написал Бакунину письмо, на которое тот ответил, что с большим удовольствием повидается со старым знакомым. Возобновление знакомства интересовало Бакунина особенно потому, что он уже знал как о создании Международного товарищества,

так и о той роли, которую сыграл при этом Маркс. «Я знал, что он содействовал основанию Интернационала. Я читал манифест, который он написал от имени временного Генерального совета, манифест, который был замечательно серьезен и глубок, как и все то, что выходит из-под его пера, когда он не ведет личной полемики».[303]

3 ноября свидание Маркса и Бакунина состоялось, а на следующий день Маркс писал Энгельсу: «Бакунин просит тебе кланяться, Он сегодня уехал в Италию, где проживает (Флоренция). Я вчера увидел его в первый раз после шестнадцати лет. Должен сказать, что он очень мне понравился, больше, чем прежде. По поводу польского движения он говорит следующее: русскому правительству это движение потребовалось для того, чтобы держать в спокойствии самое Россию, но оно никоим образом не рассчитывало на восемнадцатимесячную борьбу. Оно само спровоцировало эту историю в Польше. Польша потерпела неудачу из-за двух вещей: из-за влияния Бонапарта и, во-вторых, из-за того, что польская аристократия медлила с самого начала с ясным и недвусмысленным провозглашением крестьянского социализма. Он (Бакунин) теперь, после провала польского движения, будет участвовать только в социалистическом движении.

В общем, это один из тех немногих людей, которые, по-моему, за эти шестнадцать лет не пошли назад, а, наоборот, развились дальше».[304]

Позднее, в марте 1870 года, в «Конфиденциальном сообщении», разосланном Генеральным советом Интернационала его секциям, Маркс писал о том, что Бакунин вскоре после основания Интернационала имел в Лондоне с ним свидания, и что он (Маркс) принял его в Международное товарищество рабочих, и Бакунин обещал работать не покладая рук.[305]

Очевидно, идейная платформа Бакунина или по крайней мере та ее часть, которую он обнаружил в разговоре с Марксом, устроила последнего и он поручил ему вести пропаганду документов Интернационала в Италии. Вскоре после отъезда Бакунина он выслал ему Устав и Учредительный адрес.

Агитация, которую мог бы повести Бакунин против влияния мадзинистских организаций, могла бы в тех условиях способствовать пониманию итальянским пролетариатом истинных целей и задач рабочего движения.

С интересом относясь к организационной стороне мадзинистских конспирации, Бакунин не принимал его программы. «Идеи Мадзини общеизвестны, — писал он, — это Dio e popolo, „бог и народ“... Мадзиниевский народ — это такая же фикция, как его бог, своего рода добровольное подножие для мощи и славы государства. Это народ монахов, религиозных фанатиков... всегда готовых пойти на смерть в интересах великой итальянской республики и питать своею плотью ту фикцию общей политической свободы, которая мне представляется не иначе как огромным кладбищем, где волею или неволей погребаются все личные свободы».[306] Естественно, что против идей, служащих такой республиканской фикции и к тому же широко распространенных в Италии, Бакунин считал нужным вести борьбу. По этому пункту Бакунин легко договорился с Марксом, дав ему обещание развернуть пропагандистскую кампанию против влияния идей Мадзини. Этой же цели должна была служить и пропаганда программных документов Интернационала, за которую

также взялся Бакунин.

Картина широкого международного рабочего движения, которую развернул перед ним Маркс, произвела на Бакунина огромное впечатление и, бесспорно, повлияла на него. Еще ранее этой встречи, придя к мысли о необходимости создания именно международного союза революционеров, он неожиданно для себя столкнулся с фактом уже создавшейся серьезной организации, объединявшей рабочих крупнейших европейских стран. Влияние этого события выразилось в следующем.

Значительно увеличило в представлении Бакунина роль рабочих в социальной революции; заставило его отрешиться от ставок на национальные движения, сосредоточив все внимание на проблемах международной революции.

И в то же время укрепило мысль о необходимости серьезной разработки тех форм социального общежития, которые он пытался противопоставить идее диктатуры пролетариата, провозглашенной Марксом.

Привело к авантюристической мысли о необходимости форсировать свою деятельность по созданию тайного международного революционного общества.

Эти свои мысли он не сообщил Марксу. Напротив, высказав согласие с положениями программных документов Интернационала и взяв соответствующие поручения, он выехал из Лондона во Флоренцию, твердо решив про себя все силы направить на осуществление своего гигантского замысла, согласно которому вся Европа должна была быть покрыта сетью строго законспирированных ячеек Международного тайного общества освобождения человечества.

С этого момента начался новый этап деятельности Бакунина. Один вступал он опять в борьбу — на этот раз со всеми правительствами Европы. Ни средств, ни подлинных единомышленников у него не было. Но это не смущало его.

«Шагая через реки и моря, через годы и поколения, он, — по словам Герцена, — видел одну лишь дальнюю цель» — освобождение человечества от всех форм эксплуатации, неравенства, угнетения.

Внутреннюю, подготовительную работу к созданию тайного общества начал он, по его словам, еще в 1863 году. В 1866 году он писал Герцену и Огареву: «Вы упрекали меня в бездействии, в то время как я был деятельнее, чем когда-нибудь; я говорю об этих трех последних годах. Единым предметом моей деятельности было основание и устройство интернационального революционно-социалистического тайного общества».[307]

Здесь возможна неточность. В 1863 году и, даже судя по цитированному выше письму к неизвестному, в 1862 году зарождались лишь мысли о возможности создания подобного общества, но конкретную и активную деятельность он развернул лишь в 1864 году.

Вернувшись из поездки, во время которой он установил определенные связи как в Стокгольме, так и на обратном пути в Париже, он приступил к работе над своей

программой. Первым документом, формулирующим его новые взгляды, стала объемистая рукопись (около 4 печатных листов) «Международное тайное общество освобождения человечества», написанная одновременно в форме программы и в форме письма. Адресатом был А. Сульман, предварительные разговоры с которым, очевидно, имел Бакунин в Стокгольме. {Рукопись эта не опубликована. Оригинал ее хранится в Шведской Королевской библиотеке. Мы пользуемся переводом копии документа, которым располагает «Группа по изучению революционной ситуации в России в 1859–1861 гг.» Института истории СССР АН СССР.

Документ не датирован. Считая, что его написание относится ко времени возвращения из Швеции, то есть ко второй половине 1864 года, я руководствуюсь как рядом косвенных доказательств (о чем речь в тексте), так и прямыми. В письме-программе есть фраза: «В августе этого года Виктор-Эммануил устроил гнусную западню Гарибальди, но был вовремя предупрежден Мадзини».

Речь шла об экспедиции Гарибальди в Галицию, «на пароходе безоружном... с обещанием, что в Галиции он найдет солдат и оружие». Факт этой несостоявшейся экспедиции относится к лету 1864 года.} Ввиду крайней важности этой рукописи для понимания последующего развития взглядов и деятельности Бакунина остановимся на ней подробнее.

«Целью данного общества является объединение революционных элементов всех стран для создания подлинного Священного Союза свободы, против священного союза всех тираний в Европе: религиозных, политических, бюрократических и финансовых» — так начинается раздел первый этого документа, озаглавленный «Цель общества».

Первые же страницы рукописи раскрывают социальную ориентацию Бакунина: буржуазная молодежь, руководимая небольшой группой преданных делу освобождения интеллигентов, должна «подтолкнуть» народные массы, двинуть их вперед.

Но как найти и объединить людей, для которых действительно нет другого дела, кроме служения человечеству? Открытый конгресс либералов и передовых людей всех стран здесь не поможет, считает Бакунин. «Даже если действительно на такое сборище не явятся дураки и шпики из всех стран, а приедут известные и порядочные люди — договориться все равно не будет возможности» ввиду разности их взглядов. К тому же гласность убьет тайну, а она должна быть соблюдена непременно, «так как иначе мы сами разоблачили бы нашим врагам наши проекты, в некоторой степени незаконные, наш план действий, состояние наших сил, также и наши слабые стороны».

Для образования реального альянса нужна тайна, общее единство и «великий единый принцип».

Раскрытию этого принципа посвящает Бакунин следующий раздел программы. В мире, по его мнению, существуют два принципа: принцип авторитета и принцип свободы. Первый из них, держащийся на церкви и государстве, основан на презрении к человеку. Против него «мы выдвигаем великий революционный принцип свободы, достоинства и прав человека».

Дальше следует глубоко гуманистическое обоснование этого принципа.

«Мы верим, что даже если человек зачастую плох и глуп, тем не менее в нем живет способность к разуму, склонность к доброте. ...Мы верим, что независимо от какого-либо божественного вмешательства в самом человеке заложена творческая активность и непобедимая внутренняя сила — она его сущность и его естество, на протяжении столетий неизменно влекущая человечество к истине и добру». «...Быть свободным — право, долг, достоинство, счастье, миссия человека. Исполнение его судьбы. Не иметь свободы — не иметь человеческого облика. Лишить человека свободы и средства к достижению ее и пользования ею — это не просто убийство, это убийство человечества. Самый великий и единственный моральный закон — будьте свободными и не довольствуйтесь только состраданием, а уважайте, любите, помогайте освобождению вашего ближнего, так как его свобода непереносимое условие вашей».

Руссо, полагал Бакунин, ошибался, когда думал, что свобода одного должна быть ограничена свободой других. Порядок, установленный людьми, принял видимость социального договора, по которому каждый поступает частью свободы в пользу общины. Государство появляется не как утверждение свободы, а как ее отрицание, как ограничение индивидуальной свободы каждого в пользу общины.

Эта теория Руссо совпадает с христианской доктриной (высшее божественное право выше индивидуального, или государственный разум выше индивидуального), потому что исходят оба из того, что человеческая природа плоха по своей сущности. «Человек инстинктивно, неизбежно является социальным существом и рождается в обществе как муравей, пчела, бобер. Человеку, как и меньшим его братьям, т. е. как всем диким животным, присущ закон естественной солидарности, заставляющей самые примитивные племена держаться вместе, помогать друг другу и править с помощью естественных законов». Благодаря тому, что человек наделен разумом, отличающим его от животных, благодаря прогрессивному развитию интеллекта он создал «вторую природу — человеческое общество. И это единственная причина, почему его инстинкт естественной солидарности превращается в сознание, а сознание, в свою очередь, рождает справедливость».

Путем последовательных эволюции и исторических революций человек превращает примитивное общество в организованное, разумное, создает свою свободу.

«Дело идет не о том, чтобы уменьшить свободу, необходимо, напротив, все время ее увеличивать, так как чем больше свободы у всех людей, составляющих общество, тем больше это общество приобретает человеческую сущность». Чтобы развивать эту человеческую сущность, необходимо ограничить, уменьшить, уничтожить животное начало в человеке.

Порядок в обществе не должен ограничивать свободу индивидуума, напротив, сам порядок должен вытекать из этой свободы. «Свобода это не ограничение, а утверждение свободы всех. Это закон солидарности. Разум возгорается от разума, но по одному и тому же закону под давлением глупости он гаснет. Таким образом, разум каждого растет по мере того, как возрастает разум всех других, и глупость одного в какой-то мере есть глупость всех». Тот же закон солидарности — в труде. Он зовется законом ассоциации и разделения труда.

«Я могу быть свободным только среди людей, пользующихся одинаковой со мной свободой. Утверждение моего права за счет другого, менее свободного, чем я, может и должно внушить мне сознание моей привилегии, а не сознание моей свободы... Но ничто так не противоречит свободе, как привилегия».

«Полная свобода каждого возможна при действительном равенстве всех. Осуществление свободы в равенстве это и есть справедливость».

Обосновав, таким образом, главный основополагающий принцип, Бакунин переходит к третьему разделу: последствиям, вытекающим из этого принципа.

Для осуществления справедливости, считает он, прежде всего необходима отмена права наследования, свобода брака, равенство женщин и усыновление детей обществом. Единственным производителем богатств должен стать труд.

Перестройку жизни общества Бакунин считает возможным осуществить при минимальном насилии. «Уничтожение права наследования и мощное действие рабочих ассоциаций при содействии нового духа и демократической организации страны будет достаточно для достижения цели».

В области политической общество организуется снизу вверх. «Община представляет политическое единство, маленький мир, независимый и основанный на индивидуальной и коллективной свободе всех ее членов».

Федеральный союз общин образует округ или провинцию. Управлением, администрацией и судом провинции будет весть законодательное собрание, состоящее из депутатов всех общин, президент и трибунал провинции избирается или общинами, или этим законодательным собранием. Собрание и президент не имеют права вмешиваться во внутренние дела общины.

Нация состоит из федерального союза провинций. Она будет иметь президента, национальное законодательное собрание и трибунал. Международная федерация состоит из наций, желающих войти в нее.

«Порядок в обществе должен быть не основой, а венцом свободы, и... следовательно, организация должна строиться не путем централизации, как во всех современных государствах, т. е. сверху вниз, от центра к периферии, а посредством свободных федераций и союза, т. е. снизу вверх — от периферии к центру».

В последнем разделе документа, «Перейдем к практике», Бакунин задает Сульману ряд вопросов.

«...Согласны ли Вы:

— Что конституционализм и либерализм умирают в Европе?

— Что мы не можем рассчитывать на буржуазию?..

— Что для того, чтобы поднять народ, нужна социальная и демократическая программа — одним словом, наша программа?

— Что недостаточно, чтобы поднялся один народ, нужно, чтобы все или по крайней мере несколько, а для этого нужна тайная организация, одним словом, международный заговор?

Если Вы ответите „да“ на все эти вопросы, то Вы с нами».

В заключение Бакунин сообщает, что программа эта не рассчитана на осуществление в современном мире.

«Мы хорошо знаем, что, чтобы осуществить только ее основные пункты, необходимо по крайней мере 50, а может быть, более 100 лет. Но как иезуиты, создавшие тайные общества с лучшей в мире организацией, неустанно и ожесточенно трудились свыше двух веков, чтобы уничтожить всякую свободу в мире, мы, желающие ее торжества, основали общество на длительный срок, которое должно нас пережить и которое будет распущено только тогда, когда вся его программа будет выполнена».

В конце рукописи Бакунин предлагает Сульману читать «следующие страницы» лишь в том случае, если он будет согласен с основными вопросами, изложенными выше. Этих «следующих страниц» в документе нет. Однако сличение текста рукописи с последующим вариантом программы Бакунина говорит о том, что на страницах этих должна была быть часть организационная.

Очевидно, отправив свое письмо Сульману, Бакунин стал отделять, конкретизировать и редактировать ту систему мыслей, которую изложил в первом документе. В итоге был создан новый проект,^[308] получивший название «Революционного катехизиса». Общество же, созданное Бакуниным, стало называться «Интернациональным братством».

В первой своей части новый проект повторял идеи и в значительной мере формулировки первого документа. Затем шла «Сводка основных идей этого Катехизиса», где опять-таки в более сжатой и стройной форме излагались мысли, пространно изложенные ранее. Но здесь были и новые моменты. Так появился пункт о революционной политике. «Наше основное убеждение заключается в том, что как свобода всех народов солидарна, то и отдельные революции в отдельных странах должны тоже быть солидарны, что отныне в Европе и во всем цивилизованном мире нет больше революций, а существует лишь одна всеобщая революция... и что, следовательно, все особые интересы, все национальные самолюбия, притязания, мелкие зависти и вражда должны теперь слиться в одном общем универсальном интересе революции».

После теоретической части следовал раздел «Организация», в котором конкретнейшим образом разрабатывались практические задачи тайного общества, говорилось о характере и предполагаемом ходе будущей народной революции.

«Она начнется с разрушения всех организаций и учреждений: церквей, парламентов, судов, административных органов, армий, банков, университетов и проч., составляющих жизненный элемент самого государства. Государство должно быть разрушено до

основания... Одновременно приступят в общинах и городах к конфискации в пользу революции всего того, что принадлежало государству;[309] конфискуют также имущество всех реакционеров и предадут огню все судебные дела и имущественные и долговые документы, а всю бумажную, гражданскую, уголовную, судебную и официальную труху, которую не удастся истребить, объявят потерявшей силу... Таким путем завершится социальная революция, и, после того как ее враги будут лишены раз навсегда всех средств вредить ей, уже не будет никакой надобности чинить над ними кровавой расправы, которая уже потому нежелательна, что она рано или поздно вызывает неизбежную реакцию».

Отрицая государственную организацию общества и предлагая взамен вольную федерацию, Бакунин настаивал на господстве в ней единства и порядка.

Еще большего единства, порядка, строгой иерархии и дисциплины требовал Бакунин от самой революционной организации, призванной подготовить и обеспечить победу революции.

Ядром общества на первых порах является Центральная директория, состоящая из трех человек, которая берет на себя функции вербовки членов и создания временной организации. После того как число членов общества достигает 70 человек, представляющих по меньшей мере две страны, происходит международный учредительный съезд, обсуждающий общую программу, организацию, устанавливающий «окончательное интернациональное революционное правительство, которое будет состоять из интернациональной юнты и высшего совета».

Удачный подбор интернациональных братьев — один из важнейших, определяющих моментов, а потому требования, предъявляемые к ним Бакуниным, максимальны. Член общества должен был быть: мужественным, умным, сдержанным, постоянным, интеллектуально развитым, решительным, не тщеславным, не честолюбивым. Со страстью и волей должен он воспринять всем сердцем основные принципы Катехизиса; он должен быть атеистом и признавать, что «истина, независимая от какой-либо теологии и божественной метафизики, не имеет иного источника, кроме коллективной совести людей».

У брата не должно быть никаких тайн перед интернациональным советом, кроме тех, которые он должен хранить по своей должности согласно законам общества. Все свое политическое влияние, общественное и служебное положение должен он отдавать на службу обществу. Вся деятельность брата — литературная, политическая или экономическая — должна быть согласована с духом, тенденциями и задачами общества.

По правам и полномочиям братья делятся на почетных и активных. Почетные, или братья-соревнователи, должны принять лишь основы программы общества и содействовать своим положением, званием, занятиями его процветанию. Активные братья на основе строжайшей дисциплины выполняют все поручения общества. В соответствии с разными функциями как почетные, так и активные братья при вступлении в общество дают «клятвенное обещание».

Таков, в общих чертах, этот проект программы «Интернационального братства», к которому Бакунин возвращался не раз в 1865 и 1866 годах, переписывая отдельные разделы,

редактируя, дополняя.

В целом программа эта поражает своей масштабностью и определенной продуманностью, свидетельствует об огромной умственной работе, составлявшей в последние два-три года как бы второй план деятельности Бакунина. С одной стороны, он был непрерывно занят польским делом, конспирациями вокруг пропаганды изданий Герцена, хлопотами по связям с «Землей и Волей», наконец, непрерывными разговорами и агитацией в Лондоне, Стокгольме, Флоренции, с другой же — подспудно он осмысливал и группировал весь тот материал, который давал ему опыт слаборазвитых стран Европы и круг идейных исканий революционеров и социалистов. Процесс осмысливания происходил, естественно, на базе мировоззрения, уже сформировавшегося у него во второй половине 40-х годов. В итоге в его новой социальной системе торжествовал принцип федерации, а в чертах и характере грядущей всемирной революции проглядывали черты его старого плана революции в Богемии. Обоснование и защита принципа свободы и солидарности, отказ от национальных форм движения в пользу всемирной революции, наконец, масштабность и детальность разработки вопросов, связанных с тайной организацией, с революцией и послереволюционным устройством, — все это было плодом наблюдений, раздумий и деятельности начала 60-х годов.

Объектом пристального внимания Бакунина была Италия. Различные социальные доктрины, имевшие в этой стране немало сторонников, естественно, интересовали Бакунина. Учение Мадзини не могло привлечь его. Конечная цель итальянского революционера была в создании единой буржуазно-демократической республики. Условием достижения этой цели для Мадзини была общенациональная революция, движущей силой которой он считал народ. Важное место в его пропаганде играла этико-религиозная сторона: согласно ей участие в освободительном движении было религиозным долгом каждого итальянца. Лозунг «Бог и народ», подхваченный всеми его сторонниками, так называемой «Партией действия», имел, по словам К. Маркса, определенный смысл «в Италии, где бога противопоставляют папе, а народ — монархам».[310] К тому же бог для Мадзини был основанием создания нового морального кодекса, новой социальной религии. Но ни эта сторона учения Мадзини, ни его стремление привлечь к революции крестьянство без кардинального разрешения земельного вопроса не годились для Бакунина. Не могла импонировать ему и идея мирного разрешения противоречия между трудом и капиталом. Стремясь к «освобождению трудящихся от тирании капитала», Мадзини выдвигал идею наделения всех мелкой собственностью и создания потребительских и производственных ассоциаций. Правда, сама идея ассоциации была близка Бакунину, но в содержание ее он вкладывал совсем иной смысл. Единственно, пожалуй, что в какой-то мере заимствовал Бакунин у Мадзини, — был опыт работы тайных организаций.

Гораздо ближе Бакунину оказались идеи другого итальянца — Карло Пизакане.

«Пизакане был поистине одной из самых романтических и поэтических фигур итальянского Рисорджименто, — писал о нем итальянский историк Джузеппе Берти, — ему были присущи глубокая непосредственность и прямота, вытекавшие из самого существа его натуры, безграничная искренность, глубокое и острое чувство природы и общества в духе Руссо и ранних социалистов-утопистов».[311]

По мнению Дж. Берти, многое объединяло Пизакане с Герценом, с которым он хорошо был знаком в период его жизни в Италии. С Бакуниным же лично Пизакане не встретился. Он погиб в 1857 году, но работы его, и особенно «Завещание», пользующееся громадной популярностью в Италии, очевидно, знал Бакунин.[312]

Джузеппе Фанелли, руководитель тайного комитета в Неаполе, последнее время работавший с Пизакане и ставший с 1864 года одним из верных сподвижников Бакунина, мог быть связующим звеном между погибшим и живым революционером.

Пизакане — материалист, атеист и социалист — создал оригинальную социальную утопию. Выдвигая на первый план экономические и материалистические основы общественного развития, отрицая частную собственность, Пизакане видел путь спасения человечества в насильственном разрушении существующего общественного строя, уничтожении всех социальных институтов (в том числе и права наследования), в возврате к естественным законам.

Законы природы согласно его доктрине должны быть воплощены в новой, социалистической общественной системе. Каждая личность и каждая община должны быть абсолютно свободны, а нация должна быть вольным союзом свободных коммун.

Народ, считал Пизакане, созрел для революции, но не созрел для самоуправления. Поэтому плодами его побед могут воспользоваться другие, если не гарантировать его права общественным договором. Договор этот должен быть создан гением и не подвластен воле народа. Принципы его следующие:

«1) Каждый индивидуум имеет право пользоваться всеми материальными средствами, коими располагает общество, дабы обеспечить полное развитие своих физических и духовных способностей, обеспечить свое образование.

2. Абсолютная свобода, пределами которой является свобода других, должна быть неприкосновенна и гарантирована общественным договором.
3. Абсолютная независимость жизни, или возможность полностью располагать собственным „я“».[313]

Но что побудит массы начать революцию? Ни просвещение, ни развитие промышленности, ни пропаганда социалистических теорий здесь не помогут, считал Пизакане.

Помочь может только деятельность определенно связанных между собой «свободных мыслителей» — иными словами, тайной организации интеллигенции.

Сходство ряда положений у Пизакане и Бакунина бесспорно. Но есть и различия, и немаловажные. Возьмем хотя бы два основных. Первое — это народ. Пизакане не очень-то доверяет его возможностям и потому выдвигает фигуру гения для создания общественного договора, гарантирующего свободное развитие народа. Бакунин, напротив, в народе видит источник справедливости и законности.

Второе — это свобода, предел которой Пизакане видит в свободе других. Бакунин же полагает, что Руссо, утверждавший подобное мнение, был не прав. «Свобода — это не ограничение, а утверждение свободы всех».

С Руссо и с Пизакане Бакунин расходился как в оценке пределов свободы, так и в отношении к сущности человеческой природы. Но в вопросе о необходимости восстановления «естественного состояния человека» и, таким образом, воссоздания естественных законов человеческого общества Бакунин так же, как многие его современники, вероятно, шел от Руссо.

Естественный строй, соответствующий естественным свойствам человеческой природы, проповедовали еще во времена Великой французской революции бабувисты (последователи Гракха Бабефа), считавшие равенство основным принципом естественного права. Книга соратника Бабефа и идеолога бабувизма Буонарроти «Заговор во имя равенства» не прошла мимо сознания Бакунина. В частности, принципы организации строго законспирированного иерархически построенного тайного общества, расчет на то, что невежественные массы скорее всего могут способствовать успеху революции, возможно, оставили след в душе русского революционера еще в 40-х годах. Но вопрос о естественных законах тогда не привлек его. Теперь же, в 60-х годах, глубже и серьезней размышляя, беря за основу положительную природу человека, он стал искать основание его свободе именно в его естественном праве.

Говорить здесь о прямом идейном влиянии Руссо или Буонарроти все-таки, пожалуй, не стоит. Положения эти были свойственны вообще гуманизму того времени. Так, Элизе Реклю пришел к ним иным путем, не через Руссо, а от живого, конкретного наблюдения природы и людей.

Ученый-географ, путешественник и мыслитель, Элизе Реклю был человеком редкой душевной чистоты, огромного нравственного обаяния. Посвятив жизнь изучению жизни земли и всех народов, ее населяющих, Реклю с полным основанием отстаивал принципы естественной свободы, взаимопомощи и солидарности, царящей среди всех живых существ.

«Вдохновитель других, — писал о нем П. А. Кропоткин, — Реклю принадлежал к тем людям, которые никогда не управляли и не будут управлять никем; он был анархист, анархизм которого является выводом из широкого и основательного изучения форм жизни человечества во всех климатах и на всех ступенях цивилизации».[314] Элизе Реклю, так же как и брат его Эли, познакомились с Бакуниным в 1864 году в Париже. Элизе тогда же вступил в его «Братство», однако, очевидно, на правах почетного брата, потому что тактики бакунинской он не принял.

«Одушевленные с Реклю одним идеалом, мы с ним часто, почти всегда расходимся по вопросу о том, каким путем осуществить наш идеал», — говорил Бакунин. Реклю видел этот путь в интенсивной пропаганде социалистических и анархистских идей. Без постепенной эволюции революция, предоставляющая людям вместо мира бесправия царство полной свободы, обречена на поражение.

«В области социальных знаний, — считал Реклю, — истина передается и усваивается точно так же, как и в области математики и других наук, — постепенно и последовательно».[315]

Мысли Реклю о свободе, взаимопомощи и солидарности как естественных проявлениях человеческой природы, были идентичны мыслям Бакунина. Каждый из них пришел к этим выводам своим путем. Впоследствии, на основании изучения биологии, этнографии, истории, наблюдения за жизнью современного человеческого общества и вообще живого мира, к подобным же заключениям пришел П. А. Кропоткин, создавший биосоциологический закон взаимопомощи и солидарности.

Работая над своей программой, Бакунин в то же время, то есть с конца 1864 года, погрузился в создание своего первого тайного международного революционного общества. Об этом свидетельствует как З. Ралли в своих воспоминаниях, так и сам Бакунин, впоследствии писавший, что в 1864 году он вместе с несколькими итальянскими друзьями «образовали интимный союз. Это первое социалистическое общество в Италии приняло название Союза Социалистической Демократии».

Первыми итальянцами, примкнувшими к Бакунину, были: Джузеппе Фанелли — архитектор по профессии и революционер по призванию; Северино Фриша — врач из Сицилии — сначала участник заговоров против Бурбонов, потом — походов Гарибальди; Карло Гамбуцци — неаполитанский адвокат; Себастиано ди Лукка — журналист; Альберто Туччи и Кармелло Палладино.

О том, как Бакунин вербовал членов в свое «Братство», рассказал в своих воспоминаниях профессор санскритского языка Губернатис, который был тогда еще молодым человеком и жил во Флоренции.

На вечерах у графа Пульского Губернатис внимательно слушал все, что говорил Бакунин о немецкой философии. Однажды, заметив пристальный интерес молодого ученого к своим речам, Бакунин приостановился со словами: «Но зачем я говорю вам об учении Шопенгауэра? Вот кто способен рассказать о нем больше моего, так как может показать, откуда Шопенгауэр заимствовал свои мысли».

«Я был застигнут врасплох, — пишет Губернатис, — и дал легко овладеть моей душой». Спустя некоторое время Бакунин, подойдя к нему, осведомился, не масон ли он и не мадзинист ли. Получив отрицательный ответ и выслушав пространные объяснения молодого человека о необходимости свободы, Бакунин крепко пожал ему руку со словами: «Ну, значит, вы наш, так как мы и работаем в этом направлении. Вы должны примкнуть к нашей работе». Я возражал, что желаю остаться свободным и хочу публично отвечать за все свои поступки. Тогда он пустил в ход все свое немалое красноречие и убедил меня, что ввиду мрачного заговора государств против интересов общества необходимо этому заговору противопоставить другой. Он говорил: «Реакционеры все действуют согласно, напротив, сторонники свободы рассеяны, разделены, несогласны; необходимо добиться их тайного соглашения в международном масштабе».

«Я немного противился еще, но, наконец, объявил, что если дело пойдет на социальную революцию непосредственную, то я вступлю в тайное общество».

Сила убеждений Бакунина так поразила Губернатиса, что, вернувшись домой, он не спал всю ночь, переживая «гнусность и бесполезность» своей прошлой жизни, убеждая себя в том, что был бы «тем более гнусен, если бы остался еще один час дольше» со своими республиканскими и революционными чувствами на государственной службе. Наутро он подал в отставку и все силы свои решил отдать тайному «Братству».

«Бакунин, видя мою решимость взяться за работу, поручил мне преподавать социальный Катехизис двум молодым людям, пользовавшимся тогда некоторым влиянием среди рабочих».[316]

Революционное увлечение Губернатиса продолжалось недолго, вскоре он вышел из «Братства» и уехал из Флоренции. Однако рассказ его важен не только как иллюстрация пропагандистских приемов Бакунина, но и как свидетельство того, что уже во Флоренции им были предприняты попытки проникновения со своей агитацией в рабочую среду. Условий для широкой деятельности среди рабочих в городе не было, поскольку не существовало еще здесь и фабричной промышленности, а рабочий вопрос находился, как свидетельствует Мечников, в «зачаточном состоянии».

Неаполь представлялся Бакунину более подходящим местом для его пропагандистских целей. Однако он не сразу перебрался туда. Во Флоренцию приехал брат его Павел Александрович с женой Натальей Семеновной.

Узы не только родства, но и духовной близости объединяли его с братом и особенно с новой родственницей, с которой он был знаком лишь по переписке.

Еще в 1861 году, вскоре после того как Наталья Семеновна стала женой Павла, она написала Михаилу Александровичу, что «будет работать в Премухине во имя той же святой свободы, которая ей дороже всего, и для того же бедного народа...». «Дай бог вам успеха во всем добром, — писала она в другом письме. — Я убеждена, что в душе мы хотим одного и того же и признаем ту же святую истину».[317]

Бесспорно, что гигантские революционные планы Бакунина не были доступны его родственникам, да и вряд ли он раскрывал им их, но общие разговоры о свободе между ними, конечно, велись. Воскресшая же с приездом брата тень премухинского мира была чрезвычайно приятна Михаилу Александровичу.

Лето 1865 года обе семьи провели в Сорренто. После отъезда Бакуниных-младших Антонина Ксавьерьевна писала Наталье Семеновне: «Здесь жизнь течет спокойно и правильно по-прежнему. Встаем рано, Michel обливается и садится пить кофий да ест виноград — мы съедаем три ротоли в утро, — а я отправляюсь купаться... Michel целое утро пишет, а я то читаю, то перевожу с итальянского на французский, то шью. В три часа Michel идет спать, в 4 я его бужу, в пять отправляемся купаться, а в шесть обедаем. В 7 часов отправляемся гулять; ...в 9-м возвращаемся и пьем чай на террасе, а после чего Michel опять принимается за свою работу, а я за свою, я до 12, он до часу и даже до двух».[318]

Помимо работы над программой, Бакунин в это лето начал писать мемуары, аванс за издание которых он получил в последнюю поездку в Стокгольм. Однако писание это прекратилось с переездом в Неаполь, где новые конспирации и новые люди заняли все его время.

Поселились Бакунины на окраине города, в доме, расположенном на холме. Из окон их квартиры открывался вид на весь Неаполь, узкой лентой окаймлявший залив, и на величественный Везувий. Но красоты природы и архитектуры не волновали Бакунина, он не замечал их. Антонина Ксаверьевна, напротив, целыми днями просиживала на балконе, любясь пейзажем, по вечерам же часто бывали в театрах и в гостях. В марте 1866 года она писала Н. С. Бакуниной: «Зима прошла для нас незаметно. Michel много и неустанно работал, а я веселилась. Наехало сюда много американских семейств, мы сблизилась с некоторыми, Michel с мужчинами, хотя он от дам, а я от мужчин не прочь, но американские мужчины интересны, пожалуй, во всех других отношениях, только не в отношении к поворотливости — и Michel с ними очень подружился... устроил себе корреспонденцию с американским журналом, — что он туда пишет, не знаю. Ведь я политикой не занимаюсь».[319]

За время жизни в Неаполе Бакунин перестал идеализировать интеллектуальные возможности своей супруги. «Посмотрите на мою Тосю, — сказал он однажды Г. Н. Вырубову, — она у меня глупенькая и совсем не разделяет моих убеждений, но она очень мила, чрезвычайно добра и отлично переписывает мне важные рукописи, когда мне нужно, чтобы не узнали мой почерк».

Среди американцев, о которых пишет Антонина Ксаверьевна, был вице-консул Соединенных Штатов, Ф. С. Сальвадор. Пользуясь своим официальным положением, он выдал Бакунину паспорт, весьма нужный при его деятельности.

Документ этот выглядел довольно своеобразно.

“ «Консульство Соединенных Штатов Америки

Неаполь

Всем, кому настоящее будет предъявлено, привет. Я, нижеподписавшийся, консул Соединенных Штатов Америки, сим предлагаю всем, до кого это относится, чинить свободный пропуск дворянину Михаилу Бакунину, сопровождаемому его женой, в его путешествии по Италии, Германии, Франции и Испании. Предъявитель сего гражданин Соединенных Штатов, и прошу в случае надобности оказывать ему всякую законную помощь и покровительство.

Дано за моею подписью и с приложением моей консульской печати в Неаполе сего числа 15 апреля 1866 г. и в девяностый год независимости Соединенных Штатов Америки.

Далее вместо фотографии шли приметы: «Возраст — 51 год, рост — 6 1/2 футов англ. дюймов. Лоб — большой. Глаза — серые. Нос — обыкновенный... Волосы — седые. Цвет лица — светлый».[320]

В Неаполь к Бакунину с письмом от Герцена и Огарева приехал Григорий Николаевич Вырубов — ученый и публицист.

28 июня 1866 года Бакунин писал Герцену: «Несколько слов твоих через В[ырубова] получил и рад был с ним познакомиться. Он, кажется, порядочный человек. Напоминает мне своею контовскою доктриною мою юность, когда я горячку порол во имя Гегеля, так же как он порет ее теперь во имя позитивизма. Но Конт перед Гегелем впереди, — напрасно только молодой друг наш возводит его на степень абсолюта».[321]

Герцен характеризовал Вырубова как человека чистого и доброго, но «он доктринерством съел свое сердце и к окружающему относится, как адвокат или прокурор».

В первое время знакомства Бакунин как будто не вполне доверял Вырубову, и, когда — пишет последний — являлись к нему «странные таинственные личности, он объяснял, что у него важное совещание, и просил посидеть с Тосей, которая обыкновенно была на балконе и любовалась звездами... Она тотчас же закидывала меня целым рядом вопросов: сколько вообще звезд? Есть ли на них люди и какие они? Где конец мира и как создан этот мир? — и тому подобными неразрешимыми загадками, очень интересующими людей, ничем путным не занимающихся и не имеющих никакого серьезного дела».[322]

Вскоре, однако, Бакунин решил, что поклонник Конта вполне подходит к тому, чтобы стать членом «Братства». Однажды он вручил ему «объемистую рукопись» (очевидно, «Революционный катехизис»), попросив держать ее содержание в строгой тайне.

«На другой же день, — пишет Вырубов, возвращая Бакунину этот странный документ, — я ему объяснил, что терпеть не могу политических конспирации... Но Бакунин не так-то легко выпускал из рук намеченную жертву.

— Вы видели, у нас есть члены-соревнователи, вовсе не обязанные вступать в какие-либо заговоры, а только помогающие словом или пером распространению наших идей. Вам надо непременно записаться в их число.

— Пожалуй, только вот эти клятвы на кинжалах очень уж мне не нравятся.

— И не нужно их! Это мы для итальянцев придумали; мы довольствуемся вашим словом. Согласны?

— При таких условиях согласен.

Он встал, торжественно провозгласил, что принимает меня в члены всемирного братства, крепко обнял и прибавил:

— Теперь, как новый брат, вы должны заплатить 20 франков.

При этом практическом финале я не мог удержаться от смеха, да и он улыбнулся своей доброй, приятной улыбкой».[323]

Если Вырубов принял бакунинскую проповедь скептически, то другая представительница русских в Неаполе, княгиня Зоя Сергеевна Оболенская, отнеслась к его идеям весьма восторженно. Это была экзальтированная дама, которая, по характеристике Вырубова, «представляла собой странную и только в России возможную смесь барского самодурства и ультракрайнего радикализма».

Из этих двух качеств Бакунин видел только последнее. «Она принадлежит к редкому числу тех женщин в России, — писал он, — которые не только сердцем и умом, но также и волей, а когда нужно и делом, сочувствуют нам».[324]

Муж Зои Сергеевны был московским гражданским губернатором и, как считал Бакунин, «честным фанатиком новоправославного, демократически-государственного, поляко-поедающего направления». Оставив его в России, княгиня забрала детей и обосновалась близ Неаполя, на острове Иския. Вместе со всем своим многочисленным штатом занимала она половину большой гостиницы. Тут были разноплеменные гувернеры и гувернантки, горничные, лакеи и даже привезенный из России домашний доктор.

Но «княжеская» эта жизнь продолжалась недолго. После того как Оболенская отказалась вернуться в Россию, швейцарская полиция по требованию ее мужа отобрала у нее детей, а русские власти лишили ее довольно крупного состояния. Вскоре вышла она замуж за Валериана Мрочковского. Бывший киевский студент польского происхождения, он участвовал в польском восстании, затем жил в Париже, а в 1865 году приехал в Неаполь, где, познакомившись с Бакуниным, и вошел в его «Братство».

У княгини Оболенской собирались и другие русские, бывавшие в Неаполе. Встречался Бакунин здесь с братьями А. О. и В. О. Ковалевскими, с одним из которых, а именно Владимиром Онуфриевичем — знаменитым впоследствии ученым, познакомился еще в 1861 году в доме Герцена.

Этот чистый, искренний и глубоко порядочный человек в то время тяжело переживал клевету, опутавшую его имя. В революционной среде Петербурга и эмиграции был распушен слух о том, что он агент III отделения.

«Я просто теряюсь, когда подумаю, что достаточно одной сплетни, пущенной каким-нибудь скотом, — писал Ковалевский, — чтобы заставить подозревать человека, которого знают целые года. И знаете, какое одно из главных обвинений; зачем я не арестован, когда арестованы так многие. Этим людям, чтобы убедиться в том, что я не шпион, хотелось бы, чтоб меня выпороли в III отделении и сослали в каторжную работу, но доставить подобное доказательство я, по всей вероятности, воздержусь».[325]

Бакунин и Герцен пытались помочь Владимиру Онуфриевичу рассеять клевету. Для этого нужно было найти первоисточник слухов, что было совсем не просто. Н. И. Утин, публично обвинявший Ковалевского в доме Оболенской, отказался сообщить Бакунину источник своей информации. Тогда Бакунин ему заметил, «что обвинять громко человека в шпионстве, не называя своих источников и не приводя положительных доказательств, не благородно, не честно, а также и не совсем безопасно».[326]

Но подобные аргументы не могли убедить Утина. Человек этот, впоследствии сыгравший отрицательную роль в жизни Бакунина, был слишком самолюбив и склонен к интригам.

Сын миллионера, Николай Исаакович Утин учился в Петербургском университете, принимал деятельное участие в студенческом движении. Вскоре деятельность его перешла пределы университета. Он познакомился с И. Г. Чернышевским и стал одним из организаторов «Земли и Воли» и членом ее ЦК. В мае 1863 года, после ряда провалов, опасаясь ареста, он бежал за границу. Прибыв в Лондон, Утин до начала 1864 года занимался переправкой герценовских изданий, сотрудничал в «Колоколе». Однако подобная роль не устраивала его. «Он являлся, — писал по этому поводу П. Л. Лавров, — представителем существующей уже в России революционной организации, и, привыкнув к тому влиянию, которое он имел на университетскую молодежь Петербурга, даровитый и самолюбивый молодой человек готовился не к подчиненной роли рядом со старыми эмигрантами».[327]

В этих условиях расхождение его с Герценом было неизбежно. Но формы разрыва бывают разные. В этом случае они были таковы, что дали Герцену основание писать потом об Утине как о «не совсем честном человеке» и называть его «самым лицемерным из наших заклятых врагов».

Из Лондона Утин направился в Брюссель, а затем в Швейцарию, где нашел кружок молодых русских эмигрантов, более импонирующих ему. Живя постоянно в Женеве, он бывал и в Неаполе и встречался с Бакуниным.

Михаил Александрович так же, впрочем, как и Огарев, проявлял значительно большую терпимость в отношениях с эмигрантской молодежью, чем Герцен. Происходило это не потому только, что его не смущали внешние манеры и часто малая эрудиция представителей нового поколения, а потому, что прежде всего его устраивал крайний радикализм их взглядов. Об этом вопросе, и в частности об отношениях с Утиным, нам придется говорить еще немало; теперь же остановимся на другом сюжете — отношении Бакунина со старыми друзьями, Герценом и Огаревым, в период жизни в Неаполе.

«Рознь в средствах, в путях, не в цели» — так формулировал Бакунин суть этих отношений. «Рознь» — была фактором постоянным, хотя форма ее и содержание также менялись с развитием деятельности и взглядов Бакунина. На этот раз Бакунин выступил против идеализации Герценом русской крестьянской общины.

Основоположник русского крестьянского социализма, Герцен считал общину тем звеном, в котором сосредоточивались элементы социалистических отношений в народной жизни.

Не отрицая роли общины в будущем социальном устройстве и в известной мере ориентируясь на нее, как на реально существующий институт, Бакунин вместе с тем видел в ней и черты консерватизма, служащие интересам самодержавного государства, видел и процесс разложения общины, которого не хотел замечать Герцен. Главное же, что возмущало Бакунина в позиции старых друзей, была в его представлении их ориентация на «мирный неревolutionционный социализм». Вся линия «Колокола» не устраивала его.

Годы, наступившие после подавления польского восстания, были трудными для издателей «Колокола». Российские либералы, ловившие прежде каждое слово из Лондона, теперь, в условиях торжествующей реакции, отвернулись от того, чему поклонялись так недавно. Революционную же разночинную аудиторию «Колокол» не удовлетворял. Молодая эмиграция требовала создания вокруг «Колокола» практического центра для руководства движением, своего участия в редакции, решительного революционного тона. Герцен считал невозможным менять лицо и тон журнала. Его программа в этом смысле оставалась прежней: слово, совет, анализ, обличение, теория.

Бакунин в этом споре тяготел к тем, кто хотел революционизировать «Колокол». Говоря своим друзьям о том, что звуки их «Колокола» рождаются теперь почти в пустыне и что благовестит он не то, что следует, он предлагал им или прекратить издание, или принять иное направление и прежде всего решить, к кому обращаться. «Народ не читает, следовательно, вам действовать прямо на народ из-за границы невозможно. Вы должны руководить тех, которые положением своим призваны действовать на народ... Ищите публики новой, в молодежи, в недоученных учениках Чернышевского и Добролюбова, в Базаровых, в нигилистах — в них жизнь, в них энергия, в них честная и сильная воля».

Обращаться же к правительству или к «лысым друзьям-изменникам» бессмысленно, писать же статьи вроде 1 мая нынешнего года «из рук вон плохо».

В статье, особенно возмущившей Бакунина, Герцен осуждал покушения на Александра II.

4 апреля 1866 года Дмитрий Владимирович Каракозов у Летнего сада в Петербурге стрелял в императора. Находившийся в толпе крестьянин Комиссаров толкнул руку стрелявшего. Покушение не удалось.

«Выстрел 4 апреля был нам не по душе, — писал Герцен. — Мы ждали от него бедствий, нас возмущала ответственность, которую брал на себя какой-то фанатик. Мы вообще терпеть не можем сюрпризов ни на именинах, ни на площадях: первые никогда не удаются, вторые почти всегда вредны. Только у диких и дряхлых народов история пробивается убийствами».

И далее: «Сумасшедший, фанатик или озлобленный человек из дворян стреляет в государя; необыкновенное присутствие духа молодого крестьянина, резкая быстрота соображения и ловкость его спасают государя».[328]

«Ни за что в мире я не бросил бы в Каракозова камня и не назвал бы его печатно „фанатиком или озлобленным человеком из дворян“», — отвечал Бакунин.

«Я так же, как и ты, не ожидаю ни малейшей пользы от цареубийства в России, готов даже согласиться, что оно положительно вредно, возбуждая в пользу царя временную реакцию, но не удивлюсь отнюдь, что не все разделяют это мнение и что под тягостью настоящего невыносимого, говорят, положения нашелся человек, менее философски развитый, но зато и более энергичный, чем мы, который подумал, что гордиев узел можно разрезать одним ударом. Несмотря на теоретический промах его, мы не можем отказать ему в своем уважении и должны признать его „нашим“ перед гнусной толпой лакействующих царепоклонников. В противовес сему ты в той же статье восхваляешь „необыкновенное“ присутствие духа молодого крестьянина, редкую быстроту соображения и ловкость его. Любезный Герцен, ведь это из рук вон плохо, на тебя непохоже, смешно и нелепо».[329]

С откровенностью друга критикуя позицию Герцена, Бакунин рассказывал и о своей деятельности, не без задней мысли противопоставить свои масштабы, свои революционные успехи пропаганде издателей «Колокола».

Рассказывая об устройстве тайного интернационального общества и пересылая его программу, он писал: «После трехгодовой трудной работы я добился положительных результатов. Есть у нас друзья в Швеции, в Норвегии, в Дании, есть в Англии, в Бельгии, во Франции, в Испании и в Италии; есть поляки, есть даже несколько русских.

Весь народ, особливо в Южной Италии, массами валит к нам, и бедность наша не в материале, а в числе образованных людей».[330]

Здесь, конечно, явное преувеличение. Народ массами не валил, да и далеко не во всех перечисленных странах существовали члены «Братства». Их численность вообще не достигла 70 человек, то есть количества, необходимого для созыва учредительного съезда. Но дел у Бакунина, как всегда, было масса.

Прежде всего и главным образом он был поглощен усовершенствованием своей программы и пропагандой идей «Интернационального братства». Но наряду с устной пропагандой и изданием нелегальных листов «Ситуации», рассчитанных на итальянских читателей, он вел и большую литературную работу на страницах газеты «Свобода и справедливость».

Следуя правилам «Революционного катехизиса», он всю свою деятельность подчинил главной задаче — служению интересам «Интернационального братства». Обещание, данное им К. Марксу о пропаганде документов и идей Международного товарищества рабочих, казалось, не беспокоило его.

Но Маркс был встревожен отсутствием известий от человека, взявшего на себя определенные обязательства.

Наконец на третье письмо Маркса Бакунин послал ответ, в котором ссылался на трудности работы в Италии при отсутствии средств, при разочарованности и скептической настроенности масс, наступившей после стольких ошибок итальянских демократов. «Только социалистическая пропаганда — последовательная, энергичная и страстная — может еще вернуть этой стране жизнь и волю.

...Мадзини сильно ошибается, если по-прежнему исходит из Италии. Англия, Франция, возможно, и Германия, но две первые бесспорно, если говорить только о Европе, а эта великолепная Северная Америка — вот настоящий интеллектуальный центр человечества, где разыграется драма. Остальные пойдут на буксире».[331]

Было ли это письмо искренним? Конечно, нет. Бакунин хитрил, скрывал свои взгляды и, чтобы отвлечь внимание от своей деятельности в Италии, сообщал, что «инициатива нового движения» начнется не там. Единственно, что в его действиях приносило пользу Интернационалу, была борьба против влияния Мадзини, за которой с интересом следил Маркс.

4 сентября 1867 года, пересылая Энгельсу номер итальянской газеты, он писал, что там «имеется очень удачная атака на Мадзини. Полагаю, что к этому причастен Бакунин».[332]

В середине 1867 года деятельность Бакунина в Неаполе подошла к логическому завершению. Рассчитывать на расширение состава «Интернационального братства» и в этом городе больше не приходилось. Его давно уже влекла Швейцария как центр эмиграции, и в частности русской. В сентябре чета Бакуниных перебралась в Женеву.

Версия #1

Зверобой создал 30 мая 2025 06:49:47

Зверобой обновил 30 мая 2025 06:51:22